

Г. Хост

Секунда до полуночи

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Г11

Г11 **Г. Хост**
Секунда до полуночи / Г. Хост – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2025. – 150 с.

ISBN 978-5-8853-7715-7

В мире, где секунды могут треснуть, безымянный герой просыпается в бесконечном лабиринте. Вместе с часовщицей-Марией, проводником-Пилигримом, девочкой Линой и загадочным Саймоном он ищет выход сквозь аномалии — живые часы, зеркальные двери, кровавые коридоры памяти. Каждое решение меняет ход времени: сутки короче, сердца бьются вразнобой. Разрушив первый узел Anthro•pós, пройдя огонь, страх и любовь, герои выходят к неизвестному рассвету, зная лишь одно: сеть лабиринтов намного шире.

Фэнтези, триллер.
А5, 150 страниц.

ISBN 978-5-8853-7715-7

© Lennex Corp, 2025
© Г. Хост, 2025

К Гост

СЕКУНДА ДО ПОЛУНОЧІ

2025

УДК 82-3
ББК 84-445

Гост К

XXX Секунда до полуночи / К. Гост, 150 с.

ISBN XXX

В мире, где секунды могут треснуть, безымянный герой просыпается в бесконечном лабиринте. Вместе с часовщицей-Марией, проводником-Пилигримом, девочкой Линой и загадочным Саймоном он ищет выход сквозь аномалии — живые часы, зеркальные двери, кровавые коридоры памяти. Каждое решение меняет ход времени: сутки короче, сердца бьются вразнобой. Разрушив первый узел Anthro•p̣s, пройдя огонь, страх и любовь, герои выходят к неизвестному рассвету, зная лишь одно: сеть лабиринтов намного шире.

Шрифт основного текста: Playfair Display, лицензия Copyright 2017 The Playfair Display Project Authors (<https://github.com/clauseggers/Playfair-Display>), with Reserved Font Name «Playfair Display».

Шрифт заголовков: Noto Serif Display Condensed

В соответствии с ФЗ от 29.12. 2010 №436-ФЗ

**УДК 82-3
ББК 84-445**

ISBN XXX

© Гост К., 2025

© Дизайн и вёрстка: Онлайн-сервис верстки книг,
Метранпаж, Москва, Россия, 2025
<https://app.metrانpage.com/>

Пробуждение в тени

Герой приходит в себя на мокрой брусчатке тесного переулка, ощущая гулкое биение собственного сердца вместо городского шума; пытается встать и понять, кто он, но внутри — пустота.

Холод впивается в спину, будто камни под ним только что вынули из морозильника. Он распахивает глаза — темень, простроченная редкими вспышками неоновой розового света. В этих вспышках выныривает узкий проём переулка: кирпичи, блестящие от влаги, мусорный бак, который дымит паром, словно выдох.

Сначала слышит себя: тум-тум, тум-тум — сердце стучит так громко, что заглушает всё. Потом доходит запах сырости, металла и чего-то едва сладкого, как недопитый лимонад.

Он пытается пошевелить пальцами — ладонь скользит по камню, соскальзывает в лужу. Лёд трещит в костяшках. Не помнит, как оказался здесь; не помнит даже собственного имени. Пустота настолько тотальная, что кажется, будто память выпотрошили вместе с дыханием.

Молоточки боли стучат в висках, подгоняя: вставай. Он цепляется за стену, кирпич крошится под ногтями. Поднимается на колени. Туман скапливается на уровне груди, тяжёлый, как мокрое одеяло.

Свет неона моргает — бз-зт — и переулок будто дёргается вперёд, на сантиметр ближе. Ритм сердца сбивается,

переулок замирает. Он выдыхает облачко пара и слышит собственный голос впервые: хрип, словно чужой.

— Эй... — звук тонет в тумане.

Ответа нет. Только отдалённое эхо его биения, возвращающееся со всех сторон, будто стены умеют пульсировать вместе с ним.

Он делает первую попытку подняться на ноги — подошвы скользят по мокрой брусчатке, но тело повинуется. Колени дрожат, сердце ускоряется. Каждый удар раздаётся эхом в груди — тум-тум, тум-тум — а потом, кажется, второй звук появляется где-то сбоку, как ответный стук.

Внезапный порыв ветра рябит воздухом — и соседняя стена дрожит, чуть выгибаясь внутрь, словно тонкий картон. Из трещины вырывается облачко искр, осыпая его плечи электрической пылью.

Он оборачивается, — из дальней тьмы переулка на миг кажется, что кто-то смотрит. Но вспышка неона гаснет, и тень растворяется.

Сухая кашель вырывается из груди. Он вытирает ладонью рот — на пальцах тёмная влага, не кровь, а нечто густое, пахнущее железом.

Стоя посреди узкого коридора кирпичей, он проверяет карманы: пусто. Ни ключей, ни бумажника. Лишь собственный пульс и сырой воздух.

Вдалеке, у выхода переулка, тускло мерцает табло старого ресторана — буквы «EAT» мигают «EA EA EA», будто пропуская сердце буквой-систолой. Каждое мигание толкает стены ближе, как если бы сам переулок дышал.

Он делает первый осторожный шаг вперёд. Камень под ногой щёлкает. Сердце отзывается рывком, и на секунду кажется, что звук тум-тум исходит не из груди, а из самой земли.

Шаг. Второй. Он вытягивает руку, касается кирпичной стены. Тепло человеческой ладони переходит в камень, и тот дрожит, словно живая плоть.

Глухой, едва заметный скрип — то ли открываются дальние дверцы мусорных баков, то ли сам воздух расплзается по швам.

Он замирает, прислушивается. Пульс. Тишина. Пульс. Тишина. И где-то между ударами сердца переулочек будто шепчет ему, но слов не разобрать.

Палящее покалывание охватывает плечи — едва уловимый страх или электрический заряд? Он делает ещё один шаг, и мокрая обувь чавкает в луже.

В ту же секунду вспышка неона высвечивает узкую тень, мелькнувшую совсем близко, — на полсекции до его лица. Тень исчезает, но дрожь остаётся.

Он понимает, что должен двигаться вперёд, иначе переулок сожмётся, стерев его под своим давлением. Вдох — острый, как нож; выдох — пар расплзается из рта серым облаком.

И он идёт, пока каждое биение сердца отбивает ритм нового, непонятного мира.

Шаг — каблук скользит по мокрому камню, и отражение неоновых букв «ЕА» дрожит в луже, будто испуганная рыбка. Второй шаг — пульс в ушах подвывает, перемешиваясь

с едва слышным шуршанием внутри стен. Оно напоминает шелест газет, скомканных и вновь расправляемых.

Он останавливается. Переулок тянется вперёд как длинная резиновая лента: дальний фонарь будто отступил на пару метров. В темноте краска на стенах играет тени; приглядевшись, он замечает тонкие подёргивания кирпичей — каждый кирпич втягивается на миллиметр, затем выталкивается обратно, словно переулок тихо дышит сквозь щели раствора.

Рядом с ним мусорный бак издаёт слабый металлический вздох, крышка приоткрывается едва-едва. Оттуда в воздух выскальзывает дымок и исчезает вверх, распускаясь тонкими нитями света. Герой инстинктивно закрывает рукой рот, но запах не гнилой — наоборот, пахнет полированным железом, каким-то ещё тёплым, как кузница сразу после работы.

Сердце снова «тум-тум» — и вместе с ударом неон вспыхивает сильнее, добивая букву «Т», чтобы мигнуть полным словом «ЕАТ». Свет бросает яркую полосу через переулок, до самого дальнего проёма. В этой полосе стены будто перестраиваются: справа появляется пожарная лестница, которой секунду назад не было; слева сверкает витрина с пустыми манекенами, у которых вместо голов прозрачные колбы с водой.

Он моргает, и витрина исчезает, лестница растворяется, как будто их стёрли ластиком. Остаётся лишь знакомая кирпичная кладка, но линяет даже она, теряя цвет.

— Что это за место... — тихо, почти беззвучно. Голос тут же поглощает мягкая влажная акустика.

Снова вперёд. Мигающий неон словно задаёт темп: свет — шаг, тьма — шаг. Он замечает, что с каждым вспыхиванием «ЕАТ» переулок делает едва заметный «щёлк» — будто переключается иной кадр плёнки. При включённом свете бак находится левее, при выключении — правее, идущий за ним стеной.

Герой протягивает руку и в момент вспышки кладёт ладонь на кирпич. Гаснет. В темноте ощущение — это уже не кирпич, а гладкая прохладная поверхность, как кафель. Вспышка — снова шершавый кирпич. Грудь наполняется тошнотворным чувством: мир меняется быстрее, чем он успевает моргнуть.

Он отдёргивает пальцы и ускоряет шаг. Под ногами камни стонут, будто жалуются. На уровне щиколоток туман густеет, обхватывая ноги тяжёлыми шёлковыми лентами. Каждый вдох даётся труднее, потому что воздух начинается резиновым привкусом, как будто им уже кто-то дышал.

Сзади раздаётся лёгкий стук, словно мячик отскочил от стены. Он оборачивается — пусто. Сердце уходит в пятки. Мысль «не останавливаться» пульсирует громче боли в висках.

Впереди, метр за метром, стены вдруг отодвигаются, образуя развилку: два узких коридора, оба одинаково тёмные. На сырых кирпичках загораются жидкие, будто написанные фонариком, стрелы: одна указывает налево, вторая — направо. Свет стрел пульсирует в такт сердцу, и герой понимает: переулок предлагает выбор.

Левый проход пахнет прохладной сыростью, как утренний подвал; правый тянет металлическим озоном, который он уже ощущал до этого. Обе стрелы меркнут, вспыхивают снова, словно соревнуясь.

Герой делает пол-шага вперёд, до самой развилки, и зрение на секунду двоятся: левый коридор кажется чуть длиннее, правый — чуть светлее. Ноги подкашиваются — нужно выбрать.

Сердце бьёт тум-тум. Стены начинают дрожать, словно переулок не терпит промедления. Он тянется к стреле, что пульсирует на мокрой кладке, — и вдруг обе стрелы стираются, словно кто-то провёл ладонью по ещё влажной краске. В мгновенно наступившей темноте переулок делается гулким, как пустая цистерна.

Из чернильной складки воздуха между стен выскальзывает длинный силуэт, блеснувший стальным отблеском. Плащ существа колышется, будто сшит из ночных волн; вместо лица — гладкое зеркало, по которому бегут ломанные отражения неона.

Тонкий, как вздох, голос:

— Выбор? Лабиринт кормится выбором. Но здесь — ловушка. Не спеши.

Силуэт существует в полушаге от героя и одновременно в десяти метрах — как двойное экспонирование. Ладонь, обтянутая перчаткой цвета угля, поднимается, касается воздуха. Ткань реальности собирается в складку, как мягкая бумага, и тихо шипит, разрываясь: показывается узкая щель, сочащаяся холодным синим сиянием.

Герой слышит собственный хрип:

— Кто ты?

— Пилигрим, — отзывается маска, отражая дрожащий силуэт самого героя, но с размытыми границами. — Я иду впереди тех, кто забывает.

Он хочет спросить «забывает что?», но Пилигрим уже кладёт указательный палец на зеркало-лицо. Тишина становится ощутимой, как вата.

— Слушай сердце. Оно — метроном лжи.

В грудной клетке ударяет гулкий *тум-тум* — и на каждый удар край расщелины чуть расширяется, обнажая за кирпичом мягко вибрирующий коридор цвета перламутра. Стены переулка реагируют: кирпичи ползут к разлому, просачиваются внутрь, будто тянутся к свежему воздуху.

Пилигрим проводит ладонью вдоль щели, растягивая её до человеческого роста. Фиолетовые искры слетают, шипят в лужах.

— Быстрее. Старый ход схлопнется с ударом третьего пульса.

Герой слышит *тум-тум* — первый, и в это мгновение за спиной переулок вздымается, как грудь перед криком. Второй удар — *тум-тум* — и в дальнем конце раскрывается рваная пасть темноты, из которой вырывается рёв влажного металла.

Он бросает взгляд через плечо: стены сминаются, срываются, стирая сам переулок, будто ластик трёт графит. В этой каше кирпичей рождаются новые глаза-пустоты.

Третий удар приближается.

Пилигрим протягивает герою руку, перчатка холода касается горячих пальцев. Шипя, воздух вокруг смыкается, влажный туман упругими кольцами затягивается к горлу.

— Сделай шаг. Сейчас.

Герой врывается в разлом вместе с проводником. Удар сердца — *тум* — и в ту же секунду переулочек позади, словно сорвавшийся занавес, рвётся хлопком, выбрасывая осколки неона, которые догоняют их искрами.

Герой падает вперёд, скользя ладонями по стеклянноскользкой поверхности другой стороны; Пилигрим удерживает равновесие, тянет за собой. Позади разлом захлопывается свистом, будто кто-то резко втянул глубокий вдох.

Перед ними раскрывается новое пространство: глухие, высокие стены из чёрного камня дышат медленным гулом, как меха гигантского органа. В синеватом полумраке висят капли света, дрожащие, не решаясь упасть.

Пилигрим отпускает руку героя, медленно вращается маской-зеркалом, будто сканируя зал.

— Дальше — отходите от стен. Они слушают.

Слова едва произнесены, как самая близкая стена делает волновой рывок, стремясь сомкнуться и сплющить их. Герой вскидывает руки, пятится, чувствуя, как воздух стучится у спины, превращаясь в жидкое стекло.

Стена рычит каменным хрипом и бросается вперёд.

Пилигрим уже двигается: плащ-рябь вспыхивает, он рвёт воздух вторым резким жестом, выдирая ещё одну узкую флуоресцирующую щель прямо перед героем. В свете